

ЗНАМЯ

Ежемесячный
литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал

Выходит
с января 1931 года

7

ИЮЛЬ
1996

Содержание

Вячеслав Пьсцух. Государственное дитя. <i>Повесть</i>	3
Елена Игнатова. Вкус железа. <i>Стихи</i>	49
Андрей Волос. Жестяная дудка. <i>Повесть</i>	51
Михаил Сипельников. Амок. <i>Стихи</i>	87
Дмитрий Радышевский. Всадник-праведник. <i>Рассказ</i>	98
Борис Кудряков. Капкан для кретина. <i>Стихи</i>	113
Новелла Матвеева. Мяч, оставшийся в небе	116
Дмитрий Воденников. Сны Пелагеи Иванны. <i>Стихи</i>	128
<u>Классика XX века</u>	
Марсель Пруст. Поэзия, или Неисповедимые законы. <i>Семь эссе</i>	136
<u>Иосиф Бродский: труды и дни</u>	
Александр Кушнер. Здесь, на земле...	147
<u>Мемуары. Архивы. Свидетельства</u>	
Эмма Герштейн. Неизвестное письмо Анны Ахматовой Кл. Ворошилову.	174
<u>Публицистика</u>	
Эйтап Фицкельштейн. Русские голоса в зарубежном эфире	179
<u>Между жанрами</u>	
Сергей Морейно. Сладость запретного плода	193
<u>КРИТИКА</u>	
<u>Nomenclatura</u>	
Сергей Гандлевский. Литература ² (литература в квадрате): мрачная веселость Льва Лосева	196
<u>Пристальное прочтение</u>	
Иван Жданов. Ода Державина «Бог» в свете постмодернизма или постмодернизм в свете оды Державина «Бог»	200
<u>Литературный пейзаж</u>	
Дина Власова. Калининград: янтарные блики на монохромном фоне	204
Александр Кацев. Бишкек: «В этот край пришли мы как паломники	209

Эйтан Финкельштейн

Русские голоса в зарубежном эфире

В канун Рождества 1906 г. экспериментальная радиостанция в городке Бранд Рок, что в штате Массачусетс, передала в эфир первую со времен Адама и Евы радиопередачу. Два музыкальных отрывка, стихотворение и короткий текст прослушал всего лишь один человек — «оператор беспроволочной связи» на корабле, что стоял за несколько сот миль от Бранд Рока. Освоение радиоэфира началось головокружительными темпами. Накануне первой мировой войны в мире насчитывалось лишь несколько десятков радиостанций, а обладателей радиоприемников было не больше, чем владельцев автомобилей. Но еще через десять лет радиостанции уже считали на сотни, приемники — на миллионы.

Массовость, а также отсутствие пограничных шлагбаумов определили одно из важных направлений радиовещания — пропаганду на зарубежные страны. Пионерами этого дела стали Германия и Советский Союз.

Об эффективности довоенного московского «Радио Коминтерн» мир узнал много лет спустя, когда всплыли на поверхность имена супругов Розенберг, Класуса Фукса, Антони Бланта и многих других. Когда в Москву бежал Ким Филби, а в США прошел громкий процесс над советским шпионом Рудольфом Абелем-Фишером.

Нацистская радиопропаганда на далекую перспективу не рассчитывала: адресат ее был конкретен. В 30-е годы «Радио Берлин» обрабатывало этнических немцев в Австрии, Польше, Чехословакии в духе нацистской идеологии, помогая формировать из них пятую колонну. Аппетиты Третьего рейха, однако, росли, и вот уже мощные радиостанции из Берлина и Гамбурга ведут передачи на Великобританию, а из Штутгарта — на Францию. Французское направление сработало удачно: нацистские радиопропагандисты немало содействовали пораженческим настроениям французского общества. Что же касается Британии, то плоская пропаганда доктора Геббельса успеха здесь не имела.

Между тем и сами британцы не сидели сложа руки. Хотя Би-Би-Си начало вещать на Германию лишь в 1937 г., оно с самого начала завоевало у немцев репутацию надежного источника информации. Старые люди здесь, в Германии, уверяли меня, что во время войны они предпочитали слушать Би-Би-Си. Конечно, не для того, чтобы узнать, кто такой Гитлер или что такое национал-социализм. И те, кто служил нацистам, и те, кто держался в тени, хотели знать правду о положении на фронтах, и все они были убеждены, что правды этой больше в передачах из Лондона, чем из Берлина.

Радиосражение с грозным соперником Би-Би-Си выиграло, но кто тогда думал, что эта победа станет предвестницей разгрома и искоренения нацизма!

Как бы то ни было, война горячая окончилась, началась война холодная. Сталин не только отвернулся от союзников, но делал все, чтобы изолировать свою страну от внешнего мира. Наладить вещание на СССР стало необходимо. Любопытно, что попытки в этом направлении предпринимались и во время войны. Правда, тогда Форин Оффис считал, что вести передачи на Советский Союз без согласия Кремля было бы некорректно по отношению к союзнику. Согласие это в конце концов удалось получить, но при условии: передачи на СССР должны готовить и зачитывать... сотрудники Лондонского бюро ТАСС. 7 октября 1942 г. на волнах Би-Би-Си прозвучал первый «тассовский бюллетень». В нем сообщалось о народном ликовании в Великобритании по поводу открытия второго фронта*. Затем шел репортаж о том, какую огромную роль играет комсо-

* Имелась в виду высадка англо-американского экспедиционного корпуса в Северной Африке.

мол в британском обществе. Становиться рупором ТАСС на Би-Би-Си не захотели, и в мае следующего года трансляция «тассовских бюллетеней» прекратилась.

В 1946 г. Лондон уже не был связан с Москвой союзническими обязательствами, и Бушхауз организовал вещание на СССР без согласия Кремля. 24 марта 1946 г., через три недели после знаменитой фултонской речи Черчилля, в эфир вышла первая передача русской службы Би-Би-Си.

С русской службой Би-Би-Си повезло. В 1939 г., за неделю до начала войны, на службу в Бушхауз поступил человек по имени Анатолий Гольдберг. Беженец из Германии, он не был ни политиком, ни журналистом, не имел никакого отношения к пропаганде. Выпускник Берлинского университета, специалист в области современных европейских языков, он ненавидел нацистов и хотел лишь одного — внести лепту в победу над Гитлером. Все военные годы он работал в немецкой службе Би-Би-Си и лепту, как утверждают, внес немалую. Когда же Бушхауз решил организовать русскую службу, там вспомнили, что Анатолий Максимович Гольдберг — уроженец Петербурга и блестяще владеет русским языком. Ему и предложили место главного политического комментатора. Говорят, он долго колебался, но в конце концов согласился. Можно предположить, что и на этот раз хотел внести лепту...

* * *

Кто такие шестидесятники? Те, от кого пошли семидесятники или, иначе, диссиденты. Кто такие диссиденты? Те, от кого пошли перестройщики. Конечно, можно спорить, кто от кого пошел, но вот вопрос: от кого пошли сами шестидесятники? Знатоки скажут: от Хрущева. Утверждаю: не от него одного. И от Анатолия Максимовича тоже.

Голос его, уравновешенный и интеллигентный, звучал на волнах Би-Би-Си чуть ли не три десятилетия. Удивляет, однако, не долгожительство Анатолия Максимовича в эфире. Удивляет, что этот скромно оплачиваемый британский служащий доброе десятилетие чуть ли не в одиночку противостоял машине. Разветвленной и всюду проникающей пропагандистской машине коммунистического Рима. И неважно, что там на поприще пропаганды трудились — кто на ставку, кто на полставки, а кто и на добровольных началах, — миллионы людей. Счет оказался не в пользу миллионов.

В чем секрет успеха Анатолия Максимовича?

Привыкший к прямолинейной пропаганде сталинского времени, слушатель в СССР ждал от «аса буржуазной пропаганды» кавалерийских наскоков на коммунизм, на Советский Союз, «очерчения всего нашего». Каково же было его удивление, когда из уст «страшного врага» он слышал непредвзятый анализ событий, сбалансированный подход к проблемам и, конечно же, полное уважение к фактам. С непривычки Анатолия Максимовича можно было не понять, с ним можно было не согласиться, но нельзя было сказать: «Врешь, гнида, знаем ваших!»

Оказывается, не знали. Анатолий Максимович умел отдать справедливость противнику, не боялся бросить упрек своим. Например, американцам во время вьетнамской войны. Конечно, никто в СССР не знал, что в кругах поклонников сенатора Маккарти Анатолий Гольдберг из Би-Би-Си прослыл розовым либералом и подвергся весьма грубым нападкам. Все же Маккарти — не Берия. Анатолий Максимович на Би-Би-Си удержался, а вознаграждением за принципиальность стало доверие слушателей.

Итак, доверие. Это первое, что внушал своим слушателям комментатор из Лондона (сам Гольдберг называл себя наблюдателем). Но не последнее.

Обсуждая событие необычное, казалось бы, беспрецедентное, Анатолий Максимович часто начинал со слов: «Помню, еще в таком-то году...». И нечто из ряда вон выходящее как-то само собой вписывалось в исторический ряд, находило объяснение и понимание. Эрудиция Анатолия Максимовича поражала воображение слушателя. И всякий — искушенный и неискушенный — понимал, что говорит Анатолий Максимович лишь малую толику того, что знает. Слова «Товарищ-мистер Гольдберг, чего-нибудь скажи...» стали частью городского фольклора, и мало кто уже знал, что принадлежат они Александру Галичу.

В семидесятые годы популярность Анатолия Максимовича заметно потускнела. Но не потому, что он изменился. Слушатель изменился. На смену инакодумующим шестидесятникам пришли инакодействующие семидесятники. Нацио-

налисты и религиозные возрожденцы, правозащитники, «правильные» марксисты, самиздатчики, черносотенцы и бог весть кто еще. Все они были убеждены, что, коль скоро действуют вопреки государственной идеологии или официальной установке властей, это должно автоматически обеспечить им поддержку западных средств информации.

Но не тем человеком был Анатолий Максимович. Справедливость, гуманность, право людей на мнение и слово — это одно. Но все же Сахаров для Анатолия Максимовича был Сахаровым, Медведев — Медведевым, а Пеньковский — и вовсе шпионом. Горячие головы в Советском Союзе это не устраивало. Пальцы лихорадочно крутили ручки приемников, искали в эфире что-то свое, родное. Искали и находили.

* * *

Холодная война застала американцев врасплох. Непреклонная вера президента Рузвельта в добрые намерения дядюшки Джо укоренилась в США настолько, что там никак не могли смириться с мыслью, будто вчерашний союзник стал опасным врагом. Понятно, что тем, кто не сумел сохранить важнейшие атомные секреты, и в голову не приходило протестовать против заключения миллионов людей в ГУЛАГ, против высылки целых народов, избиения интеллигенции и т.д. Так что когда в Вашингтоне организовали вещание на Советский Союз (в эфир передачи на русском языке пошли 17 февраля 1947 г.), Голосу Америки трудно было догнать Би-Би-Си в том, что касается популярности у слушателей.

Почему?

Наверное, потому, что там не нашли своего Анатолия Максимовича. Думаю, однако, что, если бы и нашли, такому человеку не удалось бы долго удержаться в кресле ведущего комментатора. В Вашингтоне по инерции видели советскую реальность в искаженном свете. Одно время сквозь розовые очки: сколько-нибудь резкая критика в адрес СССР не допускалась. Затем эта тенденция менялась на противоположную, и сотрудника Голоса Америки могли даже уволить «за либерализм». Легко представить, что эти метания были следствием официального статуса Голоса Америки. Белый дом и Госдепартамент, Конгресс и бог знает какие еще ведомства контролировали работу этой радиостанции, причем каждое понимало задачи радио по-своему. Правда, в одном все сходились: русская служба Голоса Америки не должна становиться рупором противников сталинского режима.

В Вашингтоне как бы усвоили тезисы сталинской пропаганды, согласно которой старая русская эмиграция — это «выброшенные на свалку истории» монархисты, аристократы, клерикалы. Новая же — военного и послевоенного времени — запятнала себя сотрудничеством с нацистской Германией. Второе если и было верно, то лишь отчасти. Случаи добровольного и беззаветного служения нацистам со стороны именно русских, в отличие, скажем, от эстонцев, украинцев или латышей, были крайне редки. Если русский человек и оказывался в немецкой военной форме, то за этим чаще всего стояла трагедия людей, оказавшихся перед выбором: умереть за Сталина или выжить, сражаясь под знаменами Гитлера.

Как бы там ни было, американские разведывательные службы в Европе, «процеживая» беглецов от сталинского режима, сочли нужным часть из них взять под свое крыло. Что делать с этими людьми, американцы толком не знали. Сами беглецы тоже плохо представляли, каким путем лучше всего вести борьбу со сталинским режимом. Различного рода освободительные комитеты и объединения приходили на смену один другому, но сколько-нибудь заметным влиянием в СССР они не пользовались.

* * *

Идея «пиратских» радиостанций в послевоенные годы была не нова. В ходе войны по обе стороны от линии фронта действовало немало «независимых» радиостанций, позволявших себе то, о чем не хотело говорить от своего имени ни одно национальное радио. Американская военная разведка накопила в этом деле определенный опыт, который она и предложила использовать в конце сороковых. Вполне возможно, что армейские разведчики просто-напросто хотели как-то использовать опекаемых ими перебежчиков, но в ЦРУ взглянули на дело шире. Отдавая себе отчет в ограниченных возможностях Голоса Америки, ЦРУ увидело в идее «параллельной» радиостанции большие возможности. Как в деле борьбы с мировым коммунизмом, так и для усиления собственных позиций. При этом в

ЦРУ с самого начала решили, что «параллельное» вещание должно идти в эфир от имени противников коммунистических режимов. (И чем «свежее» эмигрант или перебежчик, тем лучше.) Решили там также, что для стран Восточной Европы и для СССР должны быть созданы две отдельные радиостанции, а передачи на Советский Союз должны вестись не только на русском, но и на языках других народов этой страны. Так появились на свет радиостанции, получившие название «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа»*.

«Радио Свобода» — тогда еще радиостанция «Освобождение» — впервые вышла в эфир первого марта 1953 года, ровно за неделю до смерти «вождя всех народов». Вещание велось из Берлина, но вскоре радиостанцию перевели в Мюнхен, подальше от зорких глаз и цепких рук МГБ и его восточногерманского филиала.

Сегодня передачи тех лет за редким исключением интереса не представляют. Интересно другое: как удалось организовать тогда столь сложные и громоздкие институты под названием «Радио Свободная Европа» и «Радио Свобода»? Какими принципами отбора и обработки информации руководствовались эти две радиостанции, число часов вещания и мощность передатчиков которых со временем превзошли все, чем располагали соответствующие службы Голоса Америки, Би-Би-Си и всех других радиостанций, вещавших на СССР и страны Восточной Европы?

Что касается организационной стороны дела, то менеджеры из ЦРУ с самого начала поставили дело так, чтобы снять с сотрудника «Свободы — Свободной Европы», чаще всего эмигранта, беженца или иностранца, какие-либо бытовые заботы. Работникам радио были гарантированы американское гражданство, высокие оклады, ведомственные квартиры и т.д. В какой-то мере это была плата за риск. Ведь связать свое имя с «Радио Свобода» означало стать объектом пристального внимания МГБ-КГБ, подвергнуть риску оставшихся в СССР родственников и уж наверняка стать «героем» очередного фельетона в «Крокодиле», «Огоньке», в комсомольской или какой-нибудь иной «правде». Более того, стоит вспомнить о взрыве в здании радиостанции в 1977 г., а также о том, что директор польской службы «Свободной Европы» Здислав Найдер был приговорен (заочно, к счастью) к смертной казни. А об усилиях КГБ по вербовке сотрудников Радио можно судить хотя бы по тому факту, что органам удалось завербовать и о. главного редактора русской службы Олега Туманова. (Ирония заключается в том, что Туманова раскрыли и вернули в Москву буквально в канун краха советского режима. Его рассказы о «Радио Свобода» прозвучали как заключительные акты войны, которую КГБ вел против «Свободы» все годы ее существования.)

* * *

Все же исключительные условия работы на «Свободе» делали свое дело: привлечь к работе на радио — в качестве штатных или внештатных сотрудников — можно было практически любого журналиста, писателя или специалиста в той или иной области. Успеху, однако, содействовали не только высокий оклад, но и сама организация вещания, построенная по принципу пирамиды. На вершине — американская администрация. Президенты обеих радиостанций (в дальнейшем президент объединенной радиокорпорации) — лица, как правило, известные в Вашингтоне. Президент отвечает за координацию общей политики радиовещания с внешнеполитическими установками Белого дома, Госдепартамента, с настроениями в Конгрессе. Он же согласовывает новые проекты, добивается дополнительных ассигнований. За президентом следуют администраторы высокого ранга, отвечающие за программное и техническое обеспечение, за координацию работ, за связь с баварским правительством, за безопасность и т.д.

Среднюю часть пирамиды занимали журналисты национальных редакций, самая крупная из которых, конечно же, русская. Главными редакторами, а в последние годы и директорами национальных служб, уже могли стать выходцы из тех стран, на которые ведется вещание. Как правило, это были эмигранты «со стажем» и с американским паспортом. Сами же журналисты, те, кто ежедневно выходил в эфир, — это эмигранты, беженцы, люди, которые так или иначе

* «Радио Свободная Европа» вышло в эфир в июне 1950 г. Эта радиостанция вела передачи на Чехословакию, Польшу, Венгрию, Румынию и Болгарию и финансировалась из тех же источников, что и «Радио Свобода». В 1974 г. обе радиостанции слились в единую радиокорпорацию RFE/RL, финансировать которую обязался Конгресс США.

провели много лет в стране вещания. Очень редко встречались среди радиожурналистов иностранцы из числа профессиональных советологов или славистов.

И, наконец, основание пирамиды составляли внештатные авторы: разбросанные по всему миру писатели и журналисты, историки и юристы, диссиденты и специалисты по СССР, России, Украине и т.д.

* * *

Впрочем, где основание пирамиды, а где ее вершина, зависит от того, как посмотреть. С точки зрения штатного расписания, наверху американская администрация. Но с точки зрения слушателя, главное лицо на радио — автор. Слушателю неизвестно имя президента, неинтересно, кто объявляет программу, кто делает заставки и концовки. Неважно даже, кто задает вопросы Андрею Сахарову, Мстиславу Ростроповичу или Ричарду Пайпсу. Важно, что скажут эти люди.

В первые два десятилетия украшением эфира стали блестящие деятели русской культуры Федор Степун, Георгий Адамович, Александр Бахрах, Владимир Вейдле. Именитые политологи Абдурахман Авторханов, Милован Джилас, Михайло Михайлов. В архивах «Свободы» хранились записи выступлений лидера меньшевиков Рафаила Абрамовича и даже самого Александра Керенского. Трудно припомнить всех знаменитостей, кто выступал по «Радио Свобода» в первые десятилетия ее существования. Нет сомнения, однако, что выступления этих людей вызывали у слушателей особый интерес и желание «пробиться» к «Свободе» сквозь шумы глушилок.

Немало способствовали этому и чтения запрещенной в СССР литературы и публицистики. «Свобода» буквально открывала своим слушателям труды классиков новой русской литературы и современных писателей-эмигрантов. На ее волнах тысячи людей за железным занавесом впервые услышали имена Николая Бердяева и Владимира Набокова, Сергея Булгакова и Нины Берберовой, Семена Франка, Петра Струве и многих других. Узнали о существовании сборников «Вехи», «Из глубины», «Из-под глыб», о «Вестнике РСХД», «Старом журнале», «Граних». Благодаря «Свободе» уже в те далекие годы небольшой, но влиятельной части советского общества открылись запретные страницы национальной русской культуры и культуры русского зарубежья.

И все же первые десятилетия «Свободы» можно считать лишь предысторией этой радиостанции. Несмотря на то, что внимание этого радио концентрировалось на советской жизни, а в СССР существовал немалый интерес к этой радиостанции, подогреваемый ореолом таинственности и труднодоступности, каждая сторона все-таки жила своей жизнью. Связь со слушателями была крайне затруднена, почти отсутствовала. Главное, впрочем, было в другом: «Свобода» первого поколения не могла предложить своим слушателям конструктивной идеи. Если не считать, конечно, полного неприятия коммунизма и советского режима.

По ту сторону барьера, в СССР, в 50—60-е годы круг регулярных слушателей «Свободы» был ограничен. И дело не только в глушении передач. Для рядового гражданина «Свобода» казалась тогда слишком антисоветской. Целенаправленно ее слушали лишь «закоренелые враги» советской власти: бывшие политэки, активисты националистических и религиозных движений да и кое-кто из инакомыслящих. В большинстве своем шестидесятники предпочитали Би-Би-Си.

* * *

К началу семидесятых ситуация в Советском Союзе начала меняться. Шестидесятники сменяли люди, по большей части не ведавшие страхов сталинского времени. Чтения «запрещенки», споров на кухне, писания «в стол» им было недостаточно. Они жаждали деятельности. Диссидентство, активное диссидентство всех направлений и оттенков разрасталось вширь и вглубь и, как снежный ком, несло по стране.

Крымские татары рвались в Крым, евреи — в Израиль, немцы — в Германию. Баптисты, пятидесятники, адвентисты начали выходить из подполья. На горизонте Русской православной церкви появились священники-диссиденты Дмитрий Дудко и Глеб Якунин, проповедники Сергей Желудков и Александр Мень. В 1968 г. вышла брошюра Андрея Сахарова «О прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе». В 1970 г. в Москве по инициативе Валерия Чалидзе был создан «Комитет прав человека в СССР». В 1973 г. вышел «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. В 1974 г. милицейскими буль-

дозерами разогнали выставку неофициальных московских художников. В 1976 г. была создана Московская Хельсинкская группа. В 1978 г. вышел альманах «Метрополь». Кассеты с песнями Владимира Высоцкого, Александра Галича и Булата Окуджавы кружили по стране в немислимых количествах.

В семидесятые годы власти выдали более 200 тысяч разрешений на выезд. Неофициальные художники стали желанными гостями в салонах западных дипломатов, еврейские активисты обсуждали свои проблемы в гостинице «Советская» с американскими сенаторами, иностранцы привозили из-за границы чемоданы «тамиздата», а западные корреспонденты — из сочувствующих — переправляли за рубеж «самиздат». В эти же годы из страны выслали Солженицына и выдавили Андрея Амальрика, «обменяли» Буковского и упрятали в лагерь Юрия Орлова, сослали в Горький Андрей Сахарова и Елену Боннэр.

Одним словом, власти отчаянно оборонялись. Тем не менее сквозь ледяной покров советского безвременья начала пробиваться иная жизнь со всеми ее атрибутами. В том числе и с собственными средствами массовой информации. Роль прессы здесь выполнял самиздат, функцию радио и телевидения взяли на себя зарубежные голоса.

С начала 70-х эти «голоса» все чаще стали передавать сообщения своих московских корреспондентов с пресс-конференций диссидентов, еврейских отказников, религиозных активистов. Со всевозможных демонстраций «против» или «за». Из залов суда, с неофициальных выставок, со всевозможных сборищ диссидентствующей публики. Радиоголоса читали статьи Сахарова, книги Солженицына, передавали свежие записи Галича, предоставляли микрофон именитым диссидентам. И все же Вашингтон, Лондон и Бонн были связаны условиями разрядки: Голос Америки, Немецкая Волна и Би-Би-Си старались не слишком раздражать брежневскую камарилью. Неправительственная же «Свобода» подобными ограничениями была связана значительно меньше и могла сосредоточить свое внимание на проблемах «иной жизни» в СССР.

* * *

Неверно думать, будто в 70-е годы «Свобода» была всецело лишь рупором диссидентов. Сотни миллионов долларов, которые Вашингтон переводил на счета этой радиокорпорации, должны были прежде всего работать на американские интересы. (Другое дело, что интересы эти отнюдь не противоречили интересам тех, кто хотел видеть свою страну свободной от тотального контроля КПСС.) Руководители «Свободы» отнюдь не спешили привлекать к работе на радио оказавшихся на Западе диссидентов. Во всяком случае, в штате «Свободы» борцов с советским режимом было не больше, чем разного рода лиц из числа оставшихся на Западе выездных (I) советских граждан. Похоже, американское начальство даже предпочитало последних.

Итак, рупором диссидентства «Свобода» не стала, но она оказалась втянутой в русло этого движения. Лозунги диссидентства сделались ее знаменами, стали той самой идеей, без которой любой орган массовой информации — всего лишь механический инструмент для приема и переработки информации. А так как диссидентство — во всем его спектре — отражало настроения, царившие в широких слоях общества, то «Свободу» слушали, хотели бы услышать или, по крайней мере, не отказались бы послушать миллионы людей в СССР. Трудно представить себе, чтобы в 70-е или 80-е годы кто-то сказал бы: «Да выключите вы «Свободу», неинтересно!».

Диссидентское движение не только определило направление, но и задало новый темп. Чтобы угнаться за событиями в Советском Союзе, чтобы не оказаться в роли пассивных наблюдателей, журналисты «Свободы» вынуждены были теперь активно искать информацию, чаще прибегать к западным публикациям, к исследовательским и архивным материалам, в частности, к материалам из уникального собрания под названием «Архив Самиздата».

Но «Радио Свобода» не смогло бы добиться впечатляющего успеха в конце пути, если бы в начале его не провело кадровую реформу. С начала семидесятых годов эмигранты военной волны начали уступать места новым, выезжавшим из СССР по израильским визам. Острые конфликты между старыми и новыми сотрудниками сотрясали радио. Дело доходило до Конгресса, но администрация стояла на своем. Нельзя сказать, что новые эмигранты в профессиональном отно-

шении превосходили предшественников, но они были людьми «оттуда»: их язык, их интонация сделали «Свободу» «своей» для советских слушателей.

Но и это было лишь частью дела, основной вклад в успех «Радио Свобода» в 70—80-е годы внесли ее внештатные авторы. Писатели прежде всего.

* * *

Виктор Платонович Некрасов читал отрывки из своих произведений, рассказывал о близком ему Париже и о далеком Токио, о встречах с самыми разными людьми и о событиях культурной жизни России и Франции. Он был то по-русски горяч, то по-французски сдержан, всегда откровенен, всегда увлекателен, а порой просто блестящ. Он не боялся сказать, что Эйфелева башня видится ему уродливым чудовищем, что в Токио его больше всего поразили городские туалеты. Он мог влюбить слушателей в промерзшую уличную певичку и заставить их хвататься за животики от смеха, рассказывая, как сбитую кучку советских писателей водят по улицам Парижа.

А Владимир Войнович? Было до слез обидно, когда диктор или глушилка прерывали чтение «Чонкина», историю о Сим Симыче или рассказ о подвигах «писателя» Иванько. Читал Войнович голосом мрачным, однотонным, и оттого истории его становились еще смешнее и трагичнее.

Не менее блистателен был у микрофона Андрей Сиявский. И в писательской роли, и в роли соредатора журнала «Синтаксис».

Владимир Максимов выступал и как писатель, и как редактор «Континента».

Иосиф Бродский читал стихи редко, предпочитая Би-Би-Си, но «Свобода» знакомила слушателей со стихами Бродского и с его эссе, как только они появлялись в печати.

Не одной лишь справедливости ради нужно упомянуть Наталью Горбаневскую, Марка Поповского, Василия Аксенова, Сергея Довлатова, Бориса Хазанова, Анатолия Гладилина, Георгия Владимова. И других авторов, выступавших по «Свободе» лишь эпизодически.

Писательскую братию дополняли историки, юристы, экономисты, философы и даже музыканты. Валерий Чалидзе и Владимир Буковский, Людмила Алексеева и Дина Каминская, Игорь Бирман и Эрнст Неизвестный, Ефим Эткинд и Мстислав Ростропович, Соломон Волков и Борис Шрагин. Казалось, антенны «Свободы» высветили весь небосклон российских знаменитостей, талантов, маргиналов...

Неоценимое значение для слушателей в СССР имели некоторые регулярные программы тех лет.

Передача «Документы и люди» (до 1979 г. — «Документы и письма») выходила в эфир чуть ли не два десятилетия и была подлинной хроникой той второй жизни, которая находила отражение на страницах советской печати разве что в «письмах трудящихся», клеймящих Сахарова, Солженицына, «сионистских зазывал» и «вашингтонских подпевал». Жалоба верующих из какого-нибудь далека и статья видного московского диссидента, подробные сообщения о преследованиях баптистов и рассказ о демонстрации крымских татар, сведения из тюрем и лагерей — все это попадало в передачу «Документы и люди» и, возвращаясь на волнах радио в СССР, создавало там атмосферу своеобразной гласности. Гласности, при которой Сахарова и политзаключенных в стране как будто нет, но все о них почему-то знают...

Из программы «Восточноевропейские меридианы», которую вел знаток Восточной Европы Ефим Фиштейн, многие в СССР впервые услышали слова: «Лех Валенса», «Профсоюз Солидарность», «Хартия-77». Фиштейн рассказывал о великом кондукторе из Бухареста, о двуликом Яноше из Будапешта, предсказал распад Югославии и большую войну на Балканах после смерти Тито.

Скрупулезно, словно складывая мозаичную картинку, выстраивал Кирилл Хенкин в логический ряд события самые разнообразные. Визит торговой делегации в Пакистан, передовица в «Правде» и внесочередное награждение какого-то генерала, — жди броска в Афганистан! Но особенно виртуозно распутывал Хенкин замысловатые узелки КГБ, о деятельности которого знал не понаслышке. И не имело значения, сбывались прогнозы Хенкина или нет. Кирилл Викторович давал своим слушателям уникальную возможность заглянуть на кухню двух главных организаций страны.

В программе Юрия Мельникова «С другого берега» звучали отрывки из

«Доктора Живаго», из произведений Солженицына, Шаламова, Синявского, Даниэля, из мемуаров Надежды Мандельштам, Евгении Гинзбург, Лидии Чуковской. Казалось, Мельников не пропускал ни одной интересной книги, что выходила в зарубежье, ни одной значительной статьи, что появлялась в русской зарубежной периодике.

В 1980 г. Кремль возобновил глушение зарубежного эфира. Но глушилки уже ничего не могли изменить: зарубежные голоса вошли в советскую жизнь, утвердились в ней как источники неподцензурной информации. Своих тогда, увы, не было.

* * *

В горбачевскую гласность на «Свободе» не поверили. Решили испытать ее на прочность. В 1987 г. по инициативе Виктора Федосеева в эфир вышла информационно-аналитическая программа «В стране и мире». Новым здесь был замысел: попытаться использовать в прямом эфире... голоса из Москвы! Проект удался. Первыми на столь дерзкий шаг отважились основатель журнала «Гласность» Сергей Григорьянц, молодые журналисты Дмитрий Волчек и Андрей Бабицкий. Чуть позже к ним присоединился Марк Дейч, а уже через короткое время на волнах «Свободы» зазвучали голоса Тельмана Гдляна, Юрия Афанасьева, Галины Старовойтовой. Гласность испытание «Свободы» выдержала. Оставалось ответить на вопрос: а выдержит ли «Свобода» испытание гласностью?

Первый вызов был брошен 29 ноября 1988 г. В этот день передачи «Свободы» перестали глушить. Это обязывало: чистый эфир требовал нового качества передач, новой организации вещания. Между тем авторский коллектив радио заметно поредел. Скончались В. Некрасов, С. Довлатов, Б. Шрагин. Перестал сотрудничать со «Свободой» — благо, открылась возможность работать на родине — В. Войнович, сошли с эфирной дорожки Синявский, Аксенов, Гладиллин. Правда, в перестроечные годы в программе «Писатели у микрофона» успели блеснуть Александр Архангельский, Бенедикт Сарнов, Георгий Владимов. Однако звездой первой величины в эпоху гласности и перестройки стал нью-йоркский сотрудник «Свободы» Борис Парамонов.

За болезненную, взрывоопасную тему взялся Парамонов. «Русский вопрос» (позже программа стала называться «Русские вопросы») — это была его тема. Должно было пройти время, прежде чем Парамонов сумел кое-что пересмотреть, перестроить на демократический лад, а то и вовсе выбросить из того правонационалистического багажа, с которым прибыл в Америку. Но когда он стал приемлем для «Свободы», то заблистал на ее небосклоне «ярче тысячи солнц».

Парамонов оглушает слушателя своей эрудицией. Неординарна и конструкция его передач. Желая высказать некое суждение, Парамонов начинает издали, часто из Америки, с рассказа об авторе, с разбора того или иного произведения или кинофильма. Едко заметив, что даже демократы в России не могут удержаться от похвалы в адрес Невзорова, восхищаясь логической мощью его выступлений, Парамонов тут же оговаривается: не логикой силен Невзоров, а талантом актера. Идеологии у него никакой, а вот психология — стрит-гангстера, или уличной шпаны, по-русски. И вообще интересен не сам по себе Невзоров, а русский социокультурный тип, к которому принадлежит этот человек, равно как и Эдичка Лимонов и... Владимир Маяковский. Вот Маяковскому, точнее, проблеме преемственности культуры и политической традиции в условиях, когда демократия позволяет каждому сказать свое слово, отводит Парамонов главное место в своей передаче. Идут сравнения с Горьким и Шалапиным, цитаты из Георгия Федотова, Эрика Хоффера, Корнея Чуковского... и Бисмарка. В заключение следует совет, как избавиться от активных и порой талантливых актеров-разрушителей, рвущихся к власти. Дайте простор бизнесу, позвольте этим людям прилично устроиться без того, чтобы делать революции! Случись Ленину оказаться в Америке, продолжает Парамонов, он, с его талантом и энергией, занялся бы каким-нибудь бизнесом и позабыл бы о революции... Между прочим, о Ленине. Это он, Владимир Ильич, приучил нас к мысли, будто всякий русский умник — непременно еврей. Не непременно.

Вскользь брошенное: «Я сам русский» позволило Парамонову сделать то, что он в конечном счете и сделал. Вернул теме — русский характер, русская ментальность, типологическая и социокультурная характеристика русских — глущиную откровенность. Подводя итог многолетнему спору с Александром Солженицыным, Парамонов произнес мужественные слова. По его мнению, Александр

Исаевич был не прав, считая, что все беды России — от марксистской идеологии. Но и я, сказал Борис Парамонов, был не прав, считая, что все в России изменится, коль скоро там появятся собственники; пусть из бывших коммунистов, неважно. Чтобы в России произошли перемены, нужно, чтобы изменился сам русский характер, русское отношение к власти, деньгам, к собственной личности... Ни одному русскому умнику «ленинского типа» сказать такое не дано. Прослыды бы русофобом, только и всего!

* * *

Парамонов говорил обо всем на свете и сказал в эфир массу умных вещей. Но одного этого было недостаточно, чтобы претендовать на роль властителя дум. Для этого нужна была идея.

Идея у Парамонова была. Отрицание всего революционного, реформистского, новаторского. Большевизм, не сталинизм даже, по Парамонову — высшее проявление бесовщины. Вообще, любая революция плоха. Плоха уже потому, что она революция. Авангард в живописи, модернистские течения в литературе — и это от лукавого. Маяковский — шпана. Блок — «за чертой ответственности». Белый, Брюсов, Мейерхольд, другие. Да пьяны они были от этой утопии, все были пьяны! Лишь Зинаида Гиппиус «была и оставалась единственно трезвой в компании пьяных».

Кто виноват? Сами виноваты, русский характер виноват, русская жизнь виновата. «Беда России и русских талантливых людей в том, что Россия не Америка, в ней негде развернуться, в России можно пойти на службу очередной несправедливой власти — или в поэты, в «артисты». И вот эти «артисты, изгибающие и искривляющие жизнь по самым произвольным меркам» правили и правят страной.

Что делать? «...Уйти со сцены, вернуться домой, в частную жизнь, из истории в биографию, ...отдохнуть в тишине». И когда в России, наконец, «куриц и петухов станет больше, чем революционеров», тогда-то там и произойдут перемены к лучшему.

Как этого добиться? Не реформировать советскую жизнь; искоренять ее надо. В январе 96-го, комментируя драматические события в селе Первомайском, Парамонов заявил, что виноваты во всем российские демократы; они, дескать, навязали президенту либеральные идеи, в которых тот и погряз. В Кремле же должен сидеть не демократ, а сильная личность, которая железной рукой выкорует советское прошлое...

Парамонов спорил с Солженицыным годами, но в конце концов оказался с ним в одном ряду столпов новой русской ортодоксии. *Непременный* плевок в сторону революции, *непременный же* поклон в сторону церкви. Презрение к интернациональному, уважение — национальному. Социальное равенство — миф. Богатству — честь, эгоизму — хвала. Миром правит цинизм, «а не хочешь стать циником — не живи!».

Новая ортодоксия в интеллектуальной упаковке Бориса Парамонова сменила сахаровские Мир, Прогресс и Права Человека в качестве идеи «Радио Свобода».

* * *

Вернемся, однако, к началу перестройки. Экономика, как ей и положено, разваливалась, но успехи в том, что называется «свободное распространение идеи и информации», впечатляли. Гласность на глазах превращалась в свободу слова. И дело не в том, в чьи руки переходил тот или иной канал телевидения. В России появился свободный журналист, которому становилось все труднее затыкать рот. У него, у этого журналиста, появились альтернативы. В том числе и в лице «Радио Свобода».

В 1989 г. информационно-аналитическую передачу с красивым русским названием «В стране и мире» переименовали в «Либерти лайв». Одновременно началось быстрое расширение корреспондентской сети в России и в странах СНГ. Стрингеры «Свободы» дорожили работой на западную радиостанцию; информация из «постсоветского пространства» бесперебойно поступала в Мюнхен. Здесь ее вписывали в текущую информационную картину мира, от чего последняя заметно выигрывала. Особенно на фоне тогдашнего российского телевидения, которое еще не осознало себя свободным; выглядело вяло, затянато, по-советски.

Когда в августе 91-го ГКЧП-исты организовали путч, им без труда удалось затыкнуть рот телевидению, а частично — радио и газетам. Но они то ли не

догадались, то ли не успели изолировать журналистов, работавших для «Свободы». В самые тревожные дни и часы «Свобода» оказалась главным источником информации о событиях в Белом доме, в Форосе, в Кремле. «Свобода» транслировала призыв Гайдара, обращение Руцкого, сообщала о передвижении войск. Ее корреспонденты брали интервью у военных, политиков, у рядовых москвичей. Утверждают: вся страна слушала тогда «Свободу»! Утверждают, что «Свобода» помогла Ельцину победить ГКЧП и Горбачева. Сам он этого отрицать не стал, нашел добрые слова в адрес американской радиостанции и распорядился легализовать ее присутствие в России.

Это был триумф. И одновременно — вызов, на который «Свобода» ответила перестройкой всей своей деятельности.

* * *

Как и двадцать лет назад, вторая революция на «Свободе» началась с «перестройки рядов». Главные события на этот раз происходили в Москве. Стремительно расширялся — благо, стоило это гроши — круг корреспондентов. Но теперь уже привлекались не только репортеры, но и авторы, пишущие на самые различные темы. Маленькое московское бюро «Свободы» превращалось в московскую редакцию, в задачи которой входило не только поставлять информацию в Мюнхен, но и готовить собственные программы. Поначалу это были нерегулярные передачи, но в них была новизна, чувствовалась близость к аудитории. Полемика Марка Дейча с красно-коричневыми из Москвы звучала живей и драматичней, чем если бы она велась из Мюнхена. Заметки о культурной жизни Москвы, опросы граждан на улицах столицы из Мюнхена сделать было невозможно.

Правда, резала слух смена языка. Если в начале 70-х перейти на современный язык было необходимо, то в 90-х это уже выглядело как желание подстроиться под стиль новых русских, угодить моде, понравиться.

Настораживало и то, что сотрудников московской редакции можно было слышать на волнах «Свободы» и одновременно лицезреть на экранах телевизоров или читать их заметки на страницах отечественных газет. И везде они назывались «наш собственный корреспондент»! Кадровое родство принесло свои плоды. Помню, как-то раз корреспондент «Свободы» вел репортаж из Чечни и, видимо забывшись, назвал российских солдат «наши ребята...». Конечно, американские налогоплательщики так и не узнали, кто теперь «их парни», но слушатели в России стали жаловаться: вращая ручки приемников, они все чаще «проскакивали» «Свободу», принимая ее за какую-то российскую станцию...

Как бы там ни было, «перестройка» на «Свободе» набирала темпы, и к началу 95-го передачи, подготовленные в России, занимали львиную долю эфирного времени. «Экспансия Москвы» шла главным образом за счет информационных программ, но все чаще в эфире стали появляться и тематические передачи домашнего производства. Самой значительной из них стала воскресная программа «Лицом к лицу. Лидер отвечает журналистам». Идея ее была понятна: вытащить на свет божий того или иного политика и обнажить его подноготную. Тем не менее первые передачи «Лицом к лицу» звучали на удивление беззубо. Банальные вопросы напоминали поддакивание начальству, лидера не перебивали, не ловили на слове, не уличали в том, что одна его фраза противоречит другой. Участие же корреспондентов малоизвестных зарубежных газет напоминало старые времена, когда такие иностранцы, как Джеймс Олдридж, «подкрепляли» мнение...

В чем же дело? Думаю, не в отсутствии собственного Лэрри Кинга и не в просчетах руководителей русской службы. Проигрыш на «информационном поле» был предрешен. Свобода слова приблизила российскую ситуацию к западной, где телевидение вытеснило общенациональное радио, оставив место лишь для местных радиостанций. Та же участь ждет и общероссийские радиостанции. Тем более нет будущего на информационном поле России у «залетных голосов». Помню, в той же программе «Лицом к лицу» в роли лидера выступал тогда еще властный Александр Шохин. В течение 50 минут он слово в слово повторял все то, о чем за два дня до этого говорил по телевидению «Останкино»!

* * *

Кадровая реформа на «Свободе» совпала с реформой административной. Уверенные, что в ближайшие десятилетия Россия Америке угрозы не составит и раздраженные коррупцией в руководстве радиостанции (доходы высших бюро-

кратов на радио превысили жалование Президента США), «посредственности со здравым смыслом», то бишь американские конгрессмены, постановили: годовой бюджет радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» сократить с примерно 230 миллионов долларов до 75. С 1999 г. финансирование и вовсе прекратить.

Лихорадочные размышления на тему: «как прожить на треть бюджета» привели к мысли перевести «Свободу» в Прагу. Не исключено, что пражский вариант был продиктован желанием Вашингтона превратить столицу Чехии в витрину Запада в Восточной Европе, а быть может, и интересами других американских ведомств. Как бы то ни было, переезд состоялся, и с июля 1995 г. «Свобода» уже вещала из Праги.

Время мучительно трудного начала в «городе-форпосте», где перебои с подачей электроэнергии такая же повседневность, как и кража автомобилей, ушло не только на преодоление трудностей. К числу несомненных удач пражского периода принадлежит «Кинодвадцатка «Радио Свобода» — серия передач о двадцати лучших фильмах века, которую подготовил Сергей Юрьенен, и «Неаполь в Петербурге» — рассказы об итальянских композиторах и итальянской опере при Русском Дворе. Автор этих литературно-музыкальных рассказов — Марио Корти.

Из Праги «Свобода» предприняла попытку «прорваться» и на «информационном фронте». Я имею в виду утренние передачи «Либерти лайв». Программа идет с 7 до 9 утра по московскому времени, когда, умываясь и собираясь на работу, телевизор смотреть не с руки, а вот о погоде, о результатах вчерашнего матча, о курсе рубля узнать уже не терпится. Успех утреннего «Лайва» очевиден, но долговечен ли он? Не окажется ли карта «Свободы» битой, когда подобные передачи начнут делать местные радиостанции? Ведь в руках россиян козыри: местные новости, вещание на УКВ, которое и в машине слушать можно...

* * *

Информация информацией, но остается еще «поле идей», где западные голоса имеют определенные преимущества перед российскими.

Программа Бориса Парамонова «Русские вопросы» на волнах пражской «Свободы» звучит нерегулярно, содержание ее порой повторяет давно сказанное, а то и вовсе к русским проблемам отношения не имеет. Сам же Парамонов все чаще выступает с короткими комментариями на самые разнообразные темы. От убийства премьера Рабина, до предвыборной кампании президента Ельцина. Роль для него новая, и справляется он с ней не всегда удачно. Впрочем, засияет звезда Парамонова на радио «Свобода» каким-то новым светом или закатится вовсе, судить рано. А вот о том, что претендентом на роль звезды пражской «Свободы» выступает нынче Анатолий Стреляный, говорить уже можно.

На «Свободе» Анатолий Иванович не новичок, — в перестроечные годы укрощал ее передачи прекрасной публицистикой. А вот в Прагу попал в качестве штатного журналиста. Но с участием безликого шивателя чужих текстов русский писатель не согласился. Ведет ли Стреляный беседу, отвечает ли на письма слушателей, он всегда присутствует, у него всегда свое мнение. Конечно, со Стреляным можно и не соглашаться, но одного отрицать нельзя: в эфире личность. Личность, глубоко в российских делах заинтересованная и хорошо в них понимающая.

Правда и то, что в эфире Стреляный грубоват — ни здравствуйте вам, ни пожалуйста. Говорит у него пригородный, лоска и эрудиции он не демонстрирует. Основная же беда Стреляного-радиожурналиста, на мой взгляд, в другом: западного опыта ему не хватает. А это сильно сужает горизонт. Не позволяет даже отличить аферу МММ от народного капитализма...

Стреляного «Свобода» приобрела, но многое по дороге из Мюнхена потеряла. Исчез из ее программ Большой мир, утонула в радиожвачке Европа, редко, от случая к случаю, звучат из Нью-Йорка передачи, посвященные Америке и американцам. Конечно, материалы о Западе в передачах «Свободы» присутствуют. Однако, вырванные из контекста, плоские и одномерные, они производят впечатление формальных добавок к основному, главному. Совсем как на российских радио и телевидении.

Впрочем, не совсем. На «Свободе» западные материалы еще и подменяются... чешскими... Происходит ли в Праге мало кому ведомое мероприятие, например, встреча полицейских из нескольких соседних стран, — для «Свободы» это уже событие международного значения. Ну, а чешская политика, чешская

валюта, чешский джаз, высказывания президента Гавела, — все это непременно доводится до слушателей в России. В то же время добротная программа «Партнер Германия» по дороге из Мюнхена где-то затерялась. А ведь слушателя не обманешь, он-то знает, что партнер России — это и в самом деле Германия.

Исчезла и другая профильная для «Свободы» тема: русское зарубежье. И опять-таки, не то, чтобы исчезла. Путешествия по русскому кладбищу в Праге, бесконечные беседы то с одним, то с другим пражанином русского происхождения, склоки в маленьком русском гетто, — все это нынче заменило и русский Берлин, и русский Париж, и русский Белград.

Это как понять? «Что вижу, о том и пою»? Или «Свободу» третьего поколения западный демократический мир во всем его многообразии и со всеми его проблемами и противоречиями просто не интересуется?

Переехав в Прагу, «Свобода» не только перестала интересоваться Западом (развлекательные программы и модные темы не в счет), она как бы повернулась лицом к прошлому. Сегодня на ее волнах можно послушать красивую сказку из жизни того или иного киевского князя, узнать о нравах при дворе Екатерины II, о том, сколько денег получил Ленин от немецкого генштаба, или о закулисной истории XX съезда КПСС. И лишь от Алексея Цветкова вы можете узнать о «Седьмом континенте» — всемирной компьютерной сети Интернет, которой принадлежит будущее. Думаю, что если через полвека кто-то и вспомнит о пражской «Свободе», то наверняка в связи с тем, что там добывал хлеб насыщенный поэт Алексей Цветков.

* * *

Узнать об Америке, о Европе, о мире радиослушатель в России может сегодня из передач Голоса Америки, Немецкой Волны, Би-Би-Си.

Менее всего соблазну превратиться в этакое разухабистое Си-Эн-Эн поддались на Голосе Америки. Ветераны там по-прежнему задают тон, а передачи от этого только выигрывают. Авила Ликуч высвечивает своим «Фотообъективом» все важные события, что происходят в стране и мире. Рисунки у нее четкие, пропорции соблюдены, тон сдержанный, а тактичность и принципиальность уживаются друг с другом. И при всем том, какие линзы в ее фотообъективе, не спутаешь — американские!

По-прежнему хорошо составляются и подаются здесь последние известия. В отличие от «Свободы», где новости словно топором рубят, а затем выплескивают в эфир чеканным слогом, на Голосе Америки программа новостей составляется в свободной манере, читается размеренно, на два голоса. Тут и слушатель кое-что уловить может!

Украшением же Голоса Америки являются политические комментарии. Беседуют ли Дмитрий Саймс, Леон Арон и Ариэль Коен друг с другом в программах «Диалог» и «За круглым столом» или спорят с американскими или российскими коллегами — это всегда минимум банальностей, максимум новых мыслей и идей. Правда, комментаторов Голоса Америки можно упрекнуть в излишней академичности, в том, что порой они не поспевают за событиями в России. Но главного это не меняет: Голос Америки сегодня — единственный зарубежный «голос», сохранивший профессиональный политический комментарий.

Адвокат Дина Каминская в программе «Власть закона» рассказывает слушателям, каким образом закон работает в условиях американской демократии.

Из программ «Американская семья», «Образование в Соединенных Штатах», «Витраж» постоянный слушатель может составить весьма полное представление о жизни в Соединенных Штатах Америки.

Весьма перспективным представляется эксперимент по созданию совместных передач Голоса Америки и «Радио Свобода». Если это приведет к слиянию двух радиостанций (в конце концов, источник финансирования у них общий — американский налогоплательщик), то такой симбиоз может принести хорошие плоды. При условии, конечно, что тон будут задавать в Вашингтоне.

* * *

Немецкая Волна вышла в эфир по-русски лишь в 1963 году, но очень скоро нашла свое место среди русских голосов в мировом эфире. Солидность, интеллигентность. Ярко выраженный немецкий угол зрения. Упор на программы аналитические. И чтения. Непременные чтения всего лучшего, что появлялось в «тамизда-

те», в «самиздате», в немецкой периодике и публицистике. Немецкая Волна чуть ли не первой начала читать «Архипелаг ГУЛАГ». Впервые же прозвучали на ее волнах отрывки из книги Михаила Восленского «Номенклатура». Регулярно обзревала здесь зарубежную русскую периодику, знакомя слушателей со статьями из журналов «Континент», «Страна и мир», «Синтаксис» и других.

Немецкая Волна предоставляла микрофон и российским эмигрантам. В «Дискуссионном клубе» Немецкой Волны, где долгие годы председательствовал Николай Эйлерт, сжививали Лев Копелев, Михаил Восленский, Борис Хазанов, Герман Андреев, Борис Гройс. Немецкие политологи и комментаторы (из программы «Обзор немецкой печати») могли соглашаться или не соглашаться с россиянами, но широкой спектр мнений сам по себе создавал то напряженное поле, которое втягивало слушателей в дискуссию, заставляло размышлять, искать собственные ответы. Поискам этим способствовали программы «Страницы истории» и «Трибуна», которые вел Леонид Люкс.

Немецкую Волну упрекали: она, дескать, рассчитана на узкий круг интеллигентов. Добавлю: на всех думающих. Ну а среди тех, кто не жалеет времени слушать зарубежные голоса, такие вот, думающие, как раз в большинстве. Во всяком случае одно несомненно: свое слово Немецкая Волна сказала, и слово это было услышано.

Начало новой эпохи в России совпало со сменой поколений на Немецкой Волне. В 1994 году ушел в отставку Вотто Кириш. Видный немецкий журналист и специалист по России, Кириш возглавлял Восточноевропейский отдел Немецкой Волны в течение четверти века, отстраивая его так, чтобы добиться максимального эффекта в условиях изоляции России, отсутствия там независимых средств массовой информации, в условиях противостояния Востока и Запада. Почти одновременно с Киришем оставили радио и многие другие ветераны.

Однако несмотря на смену поколений, Немецкая Волна и сегодня превосходит другие зарубежные голоса в том, что касается организации и качества вещания. Расписание программ здесь хорошо продумано и четко соблюдается. Крикливой рекламы нет, но о предстоящих передачах, об их содержании слушателей регулярно информируют. Равно как и о времени и частотах, на которых передачи эти идут в эфир. Дикторские и редакторские огрехи случаются редко. Одним словом, Немецкая Волна сегодня — самый удобный для слушателя зарубежный голос.

Но самый ли интересный?

Информационно-аналитическая передача «Хроника Немецкой Волны» отличается добротностью и объективностью. Страдает же «Хроника» чрезмерной статичностью. В эфир программа выходит в семь вечера по московскому времени. Это означает, что с основными событиями дня слушатель уже знаком. Он ждет либо новых подробностей, либо серьезного толкования происходящего. Хронике же, с одной стороны, не хватает репортерской напористости, с другой — основательного анализа событий.

Всегда интересен обзор немецкой печати, а также печати европейской.

Потускнели по сравнению с предыдущими годами аналитические передачи «Дискуссионный клуб» и «Трибуна». Стало чуть ли не правилом пригласить в студию россиян, так или иначе оказавшихся в Кельне, под рукой. При этом случается, что «люди оттуда» не всегда знают и не всегда могут сказать что-то новое и интересное. Особенно своим землякам. Главная же проблема аналитических передач в другом. Нынче они оказались отодвинутыми на общий план, где и по стилю, а иногда и по содержанию дублируют тематические программы «Европа и европейцы», «Культура сегодня», «Рынок и человек», «Германия из первых рук». Вот эта одинаковость, «общий план» и представляется слабым местом Немецкой Волны. В условиях острой конкуренции со стороны российских средств массовой информации немецкое радио может стать интересным российскому слушателю, если будет специализироваться в том или ином направлении и окажется в нем непревзойденным. Выбор у Кельна велик: это и Европа, и экономика, и политика, и религия. Сделать его, однако, нелегко, ибо подобный выбор связан с наличием «звезды». А вот звезды, звезды масштаба Анатолия Максимовича Гольдберга, Немецкой Волне сегодня больше всего недостает.

Что ж, немецкому журналисту Миорагу Зоричу, как и в свое время его предшественнику Вотто Киришу, предстоит решить непростую задачу: сделать Немецкую Волну интересной и нужной российскому слушателю в условиях новой России, новой Европы и нового мира.

* * *

Свое пятидесятилетие русская служба Би-Би-Си встретила отнюдь не в лучшей форме. Информационные передачи «К этому часу» то опаздывают к началу, то прерываются, а то и вовсе выпадают из эфира. О расписании, о содержании программ слушателей не извещают, а дикторы и ведущие путаются так, словно они впервые оказались у микрофона. Что касается тематических и аналитических передач, то зачастую звучат они так, словно их редакторы вообще не знают, будто в России произошли перемены...

Удастся ли Би-Би-Си вернуть себе былую репутацию в России или оно переместится в разряд «локальных» радиостанций, рассчитанных на ограниченный круг слушателей? Этого мы не знаем, знаем лишь, что в мировом эфире звучит немало «локальных» радиостанций. По-русски говорят Стокгольм и Мадрид, Варшава и Монреаль, Пекин и Иерусалим. Увеличивает часы вещания на русском языке японское радио, стойко держатся в эфире Франсинтерн и Радио Ватикан.

Долго ли еще будут звучать в зарубежном эфире русские голоса?

Считается, что коротковолновое радиовещание обречено: в эпоху спутниковой связи и Интернета никто не захочет пробиваться к зарубежному голосу сквозь помехи коротковолнового диапазона. Россия, однако, страна огромных размеров, а разрыв в уровне жизни ее населения под стать этим размерам. Кто-то из россиян уже сегодня ездит за границу как в собственный загородный дом, а кто-то все еще крутит ручки старенькой «Спидолы». Ситуация эта в ближайшие десятилетия измениться не может, а значит, и коротковолновые приемники там еще долго будут в ходу. Владельцы же их, думаю, будут немало огорчены, если не смогут больше слушать — пусть сквозь шумы — зарубежные русские голоса.

Мюнхен
Апрель 1996
